

Точно так же в своих размышлениях он обращается к силе воображения, достигая таким путем своей цели в отношении умопостигаемых предметов. Равным образом он заставляет стремящуюся силу вопреки ее собственной цели, состоящей в удовольствии, подражать Первопричине в сохранении видов, и особенно лучшего из них - вида человеческого, как он заставляет ее (стремиться) к еде и питью не как попало, а наилучшим образом, и не ради одного только удовольствия, а для того, чтобы помочь природе, призванной сохранить особь лучшего вида, т.е. человеческий индивид. Равным образом он поднимает силу гнева на сражение с богатырями или на битву, чтобы отогнать (врага) от добродетельного города или благочестивого народа. От него могут исходить и действия, проистекающие из недр его разумной силы, такие, как созерцание умопостигаемых предметов, стремление к (возвышенным) целям, любовь к будущей жизни и содействию Милостивого (Аллаха).

3. В каждом из божественных постановлений есть некое благо, и к каждому из этих благ стремятся. Однако мирские блага таковы, что выбор их может повредить более возвышенному благу. Так, общепризнано, что следует избегать простого и беспорядочного наслаждения жизнью (хотя само по себе оно может быть желательным), ибо оно может повредить чему-то еще более желательному, а именно - обилию богатств или достатку. Вот другой пример, взятый из (науки) о пользе для тел: желательно и полезно выпить укию* опиума, чтобы прекратить кровотечение из носа, но от этого следует отказаться из-за вреда, который это нанесет чему-то более желательному, а именно здоровью и вообще жизни. Таким же образом вещи, присущие животной душе, когда они обнаруживаются в избытке у неразумного животного, считаются не злом, а скорее достоинством его сил; но ввиду зла, причиняемого ими разумной силе, как мы на то указывали в трактате, озаглавленном "Подарок" ("ат-Тухфа"), они рассматриваются у человека как недостаток. И следует отворачиваться и бежать от них.

4. Как разумная, так и животная душа, - последняя по причине близости к первой, - всегда любят то, что стройно, гармонично и соразмерно, как, например, гармоничные звуки, хорошо сочетающиеся друг с другом вкусовые качества различных блюд и т.п. Но если в животной душе это вызвано природой, то у разумной души это проистекает из того, что она предрасположена (к этому) созерцанием идей, возвышающихся над приро-

* Укия - 25,500 г.

дой, и знает: все, что близко к Первому Объекту любви, то более стройно и соразмерно, а то, что следует непосредственно за Ним, достигает большей степени единства и связанных с ним качеств, таких как гармония и согласованность; тогда как, напротив, что удалено от Него, то ближе к множественности и связанным с нею качествам, таким как дисгармония и несогласованность, как это разъяснили метафизики. Всегда, когда разумная душа достигает обладания чем-то стройным, она созерцает это нетерпеливым взором.

Поскольку эти предпосылки установлены, мы говорим; одно из свойств разумного (существа) - то, что оно любит красивую внешность у людей, и это иногда рассматривается как изящество и молодость. Такое свойство либо присуще (одной только) животной силе, либо (является результатом) соучастия (разумной и животной сил). Если бы оно было присуще (только) животной силе, то разумные люди не считали бы это изяществом и молодостью. Ибо истинно, что когда человек испытывает устремления, (свойственные) животной (душе), по-животному, он впадает в порок и вредит разумной душе. Это не присуще разумной душе, ибо принадлежностями ее работы являются вечные умопостигаемые предметы, а не преходящие чувственно воспринимаемые единичные вещи. Этот (вид любви), следовательно, вытекает из соучастия (упомянутых двух сил).

Это можно объяснить и другим способом: если человек любит прекрасный образ ради животного удовольствия, то заслуживает порицания, даже осуждения и обвинения в грехе; таковы, например, те, кто предаются содомскому греху и вообще порочные люди. Но если человек любит миловидный образ умозрительно, то, как мы уже объяснили, это следует считать средством возвышения и приближения к благу, поскольку он испытывает более близкое воздействие Первоисточника (всякого) Влияния и Чистого Объекта любви, и более подобен возвышенным, благородным вещам. А это делает его достойным того, чтобы быть изящным и мило молодым. По этой причине не бывает так, чтобы сердца проницательных людей из числа тех, что обладают острым умом и философским мышлением и не следуют за теми, кто выдвигает жадные и скупые требования, не были заняты тем или иным прекрасным человеческим образом. Ибо человек, имея нечто сверх того совершенства, которое свойственно человечеству (поскольку он существует, обладая совершенством гармоничного облика, приобретенного из стройности и гармоничности природы и из проявления божественного воздействия), более всего достоин получения того, что скрыто в плоде сердца и составляет

чистоту любви. Поэтому и говорит пророк - да благословит его Аллах и да приветствует!- : "Ищи удовлетворения твоих потребностей у обладающих прекрасным лицом", - желая этим сказать, что красивый образ бывает только при хорошем природном составе и что совершенная гармония и состав придают (человеку) приятные черты и милые качества. Иногда, однако, случается, что человек с безобразным обликом прекрасен по своим внутренним качествам. Для этого возможны два объяснения: либо безобразие облика вызвано не внутренним недостатком в гармонии первоначального (природного) состава, а какой-то внешней, привходящей порчей; либо же красота черт вызвана не природой, а привычкой. Равным образом бывает так, что человек с красивым обликом безобразен чертами (своего характера). Этому также можно дать два объяснения: либо уродство в чертах (характера) возникает привходящим образом вместе с чем-то, привходящим в природу после закрепления состава, либо оно возникает из-за сильной привычки.

Любовь к прекрасному облику сопровождается тремя желаниями: 1) обнять, 2) целовать и 3) сочетаться.

Что касается третьего желания, то при его (появлении) выясняется, что присуще только живой душе, что доля ее в этом велика и что она выступает здесь не как средство, а как участница, более того - как (участница), пользующаяся (средством). Дело это отвратительно, но и разумная любовь может не быть чистой, если животная сила ей всецело не подчиняется. Поэтому в желании сочетаться лучше подозревать любящего, который соблазняет предмет своей любви ради одного этого, если только его потребность не носит разумного характера, т.е. если он не помышляет о воспроизведении себе подобного. А это* невозможно для мужчины: для женщины же, которой это запрещено шариатом, это мерзко. Поэтому такой вид любви допустим и может быть одобрен только в отношении мужчины, который сочетается со своей женой или невольницей.

Что касается объятий и поцелуев, то сами по себе они не заслуживают осуждения, если их цель состоит в сближении и соединении, поскольку душа желает достичь объекта своей любви присущими ей чувствами осязания и зрения. Поэтому она получает наслаждение от объятия, стремится к тому, чтобы дыхание начала психической деятельности, каковым является сердце, слилось со сходным дыханием в объекте любви и поэтому желает целовать его. Однако объятия и поцелуи акцидентально вызы-

* Т.е. воспроизведение потомства.

вают такие порочные страсти, которых следует остерегаться, если только нет уверенности в том, что те, кто ими охвачены, (способны) подавить их и быть вне подозрения. Поэтому нельзя упрекать, когда целуют детей, хотя в принципе это может быть подвергнуто такому же подозрению, поскольку цель поцелуев - сближение и соединение, но (в данном) случае они не (сопровождаются) порочными и греховными (помыслами). Кто исполнен такой любви, тот молод и изящен, а (сама) эта любовь - изящество и молодость.

О СУПРУЖЕСТВЕ И ПОХОТИ*

Глава IV

Естественное благо супружества. Всякий союз по природе своей избегает обманывающего участника. Какая супружеская целомудренность является истинной. Девственность и целомудренность не истинны, если они не основаны на истинной вере

Соединение мужчины и женщины для рождения детей - это естественное благо супружества. Но этим благом дурно пользуется тот, кто использует его животным образом, так, что стремление его направлено на удовлетворение жажды телесных наслаждений, а не желаний продолжения рода.

У некоторых животных, не имеющих разума, а также у многих птиц наблюдается нечто похожее на супружеский союз: и брачное искусство гнездования, и поочередное сидение на яйцах, и поиск пищи; при этом очевидно, что когда они спариваются, они, скорее всего, занимаются делом продолжения рода, а не удовлетворяют свою похоть.

Из этих двух дел подобным человеческому в животном является то, которое в человеке подобно животному, то есть дело продолжения рода.

Я уже сказал, что к природе супружества относится то, что мужчина и женщина соединяются в союз ради рождения потомства, при этом они не обманывают друг друга, так как любой союз по определению не имеет целью обман союзников. Этим очевиднейшим благом супружества обладают даже люди, которые не являются приверженцами Христовой веры; однако пользуясь этим благом не на основе истинной веры, они устремляются ко злу и греху.

* Перевод Е.Антоновой.

Следовательно, только супружеский союз и причем союз только приверженцев Христовой веры обращает на пользу благочестия ту низменную похоть, посредством которой плоть страстно желает противного духу (Галат., V, 17).

Ибо только приверженцы Христовой веры имеют изначальное намерение таким образом воспроизвести себя в потомстве, дабы рождающиеся в их роду сыновья возродились бы сыновьями Бога.

Вот почему те, которые рожают сыновей не с тем стремлением, той волей, той целью, чтобы они из плоти первого человека превратились в плоть Христову, а именно родители, не придерживающиеся истинной веры и кичащиеся своим неверующим в Христа потомством, лишены подлинной супружеской целомудренности, даже если они состоят в брачном союзе и совокупляются с целью рождения детей.

Ибо коль скоро целомудренность есть добродетель, по отношению к которой противоположностью, то есть пороком, является распутство, и все добродетели, даже те, которые осуществляются посредством тела, пребывают в душе; то каким образом истинный разум может признать целомудренным тело, если и самый дух, заключенный в нем, хотя и происходит от истинного Бога, предается разврату, отрицая своего Творца!

Этот разврат порицается в священном псалме, где сказано: "Ибо вот удаляющие себя от Тебя гибнут; Ты истребляешь всякого отступающего от Тебя" (Псалм. XXII, 27).

Следовательно, целомудренность, супружеская ли, вдовья ли, девичья ли, может быть названа истинной только тогда, когда она происходит от истинной веры.

Ибо, коль скоро, согласно правильному рассуждению, священная девственность предшествует супружеству, то разве найдется какой-нибудь христианин, который, будучи в трезвом уме, не отдаст предпочтение правоверным христианским девушкам, готовящимся вступить в брак, не только перед весталками, но также и перед девственницами-еретичками?

Вот до какой степени сильна вера, о которой Апостол говорит: "Все, что не по вере, грех" (Рим., XIV, 23), и о которой также в послании к Евреям имеются такие слова: "Без веры угодить Богу невозможно" (Евр., XI, 6).

Глава V

Порицание жажды наслаждений не то же самое, что осуждение супружества. Отчего возник стыд в отношении человеческого тела. Адам и Ева не были сотворены слепыми. Что такое открытие глаз в первых родителях

Поскольку это так, действительно заблуждаются те, которые полагают, что коль скоро осуждается плотское влечение, то следует порицать и супружество, как будто это болезненное влечение плоти происходит от брака, а не от греха.

Не правда ли, те первые супруги, бракосочетание которых прославил Бог, сказав: "Плодитесь и размножайтесь" (Бытие, I, 28), были нагими, и не стыдились этого?

Итак, на вопрос: почему после грехопадения люди стали стыдиться своих нагих тел, следует ответить: потому, что возникло то непристойное движение, коего не было бы в супружестве, если бы прародители не согрешили.

Или быть может, как некоторые считают (так как они недостаточно обращают внимание на то, что читают), сначала люди были созданы слепыми, как собаки, и, что еще более нелепо, обрели зрение не как собаки в результате роста, но вследствие совершения греха?

Не дай Бог этому верить!

Но что побуждает тех, которые так думают? Вероятно, те известные слова Писания: "И взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и они ели; И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги" (Бытие III, 6 и 7).

Исходя из этого, малопонимающие люди считали, что сначала глаза первых людей были закрыты и что они открылись после, о чем, по их мнению, свидетельствует божественное Писание.

Но неужели же Агарь, служанка Сары, которая, когда сын испытывал жажду и горько плакал, открыла глаза свои и увидела колодец (там же, XXI, 19), прежде имела закрытые глаза? Или те два ученика, которые после воскресения Господа шли по дороге и о которых Евангелие повествует, что "открылись глаза их, и в преломлении хлеба они узнали его" (Луки XXIV, 31, 35), - разве глаза их до того были закрыты?

Итак, то, что написано о первых людях: "Открылись глаза обоих", - мы должны понимать так, что их глаза сосредоточились на наблюдении и познании того нового, что стало происходить в их теле: в особенности потому, что открытое их глазам обнаженное тело возбуждало их похоть.

В противном случае, то есть если бы глаза первого человека до грехопадения были закрыты, каким образом Адам всем к нему приведенным животным, как живущим на земле, так и летающим над землей, смог бы дать имена, кроме как только сделав это путем распознавания, распознать же их Адам не смог бы, если бы не обладал зрением?

Наконец, каким образом ему была показана и сама женщина, то есть Ева, когда он сказал: "Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей" (Бытие II, 23)?

В конце концов, если кто-нибудь был бы упрямым до такой степени, что говорил бы: "Адам мог распознавать не через зрение, но путем прикосновения", то что он может сказать относительно написанного там, то есть в Священном Писании, о дереве, от которого женщина намеревалась взять пищу и которое весьма приятно для глаз (там же, III, 6)?

Итак, "были наги, и не стыдились" (там же, III, 25) ; не потому что не видели, но потому что в телах, которые видели, не воспринимали ничего такого, чего можно было бы стыдиться. Ведь не сказано: "Были оба нагими, и пребывали в неведении", но сказано: "не стыдились". Ибо потому, что ранее они не делали ничего недозволенного, то и стыдиться им было нечего.

Глава VI

Человеку по справедливости воздается за то, что плоть его ему не повинуетя. Из-за неповиновения плоти возникает стыдливость

После того, как человек переступил изначальный закон Бога, ему был дан другой закон, предписывающий иное отношение к плоти, закон, противоречащий ее низменным желаниям. И совершенно заслуженным воздаянием за непослушание плоти являются муки человека, страдающего из-за своего неповиновения закону.

Ведь очевидно, что когда змей, совращая прародителей, сулил им раскрытие глаз их, то открыть им он желал нечто такое, чего лучше бы им и не знать вовсе. И конечно же человеку при этом ясно было, что он сделал: он отделил тогда зло от блага; но произошло это не таким образом, что отказался он от зла, а таким - что, напротив, поддался ему.

Но было бы несправедливо, если бы раба, то есть плоть, повинувалась тому, кто сам не повинуется своему Господу!

Ну что же это такое, что глаза, губы, язык, руки, ноги, изгибы спины, шеи и груди находятся в нашей власти, когда надо привести их в движение для совершения действий соответственно предназначению каждого из них, при том условии, что мы имеем тело, свободное от препятствий и здоровое; когда же дело доходит до совокупления, то созданные для деторождения члены не повинуются воле, а ожидают, пока похоть своей властью их к этому подвигнет? Она же иногда этого не делает, хотя дух того желает, а иногда - делает, хотя дух не желает.

Неужели не постыдно для свободы человеческой воли, что из-за пренебрежения к Богу повелевающему она потеряла власть над своими членами?

На чем же еще можно было бы показать, что человеческая природа испорчена вследствие непослушания, как ни на этих повинующихся членах, посредством которых, через деторождение, продолжается человеческий род? Именно по этой причине указанные части тела называются детородными.

Итак, это движение совокупающихся органов является непристойным именно потому, что оно не повинуется человеческой воле; когда первые люди познали это непристойное движение плоти и устыдились наготы своей, то они прикрыли свои тела фиговыми листьями (Бытие III, 7). Обуреваемые стыдом люди пожелали спрятать срамные места, кои против воли их возбуждены были; и так как первым людям было стыдно за свое непристойное желание, то, покрывшись, они совершили подобающее.

Глава VII

Зло сладострастия не уничтожает благо супружества

Поскольку совершенно невозможно, чтобы супружество перестало быть благом из-за присущего ему зла сладострастия, то, исходя из этого, несведущие люди полагают, что сладострастие тоже не является чем-то дурным, но относится к упомянутому благому. И не только утонченным разумом, но и обыкновенным здравым смыслом признается, что вожделение было и у прародителей, и что в настоящее время оно сохраняется у людей, состоящих в браке.

То, что они в супружестве совершают с целью продолжения рода, является благом брака; однако то же самое до бракосочетания скрывается, так как является постыдным пороком похоти,

который везде, где бы то ни было, избегает быть увиденным, и, стыдясь, стремится уединиться в укромном месте.

Поэтому супружество следует прославлять, ибо оно делает из порока похоти некое благо; но в то же время супружество испытывает чувство стыда, поскольку не может существовать без вышеупомянутого акта.

Как, например, если бы кто-нибудь с обезображенной ногой, хромая, тем не менее дошел бы до чего-либо хорошего, то это прибытие не может считаться злом из-за недуга хромоты и хромота не может быть объявлена благом вследствие пользы этого прибытия; также мы не должны ни осуждать супружество за порок сладострастия, ни прославлять сладострастие из-за благой природы супружества.

Глава VIII

Болезненная страсть возжелания в супружестве присуща не любви, но необходимости. В браке должна присутствовать любовь приверженцев истинной веры. О ком следует сказать, что он, вступая в плотскую связь, не побежден пороком возжелания. Каким образом некогда встарь Святые Отцы имели плотское общение со своими супругами

Конечно, это возжелание является болезненным влечением, о котором Апостол говорит даже истинно верующим супругам: "Ибо воля Божия есть освещение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда. Чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, А не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога" (1 Фес. V, 3-5).

Итак, истинно верующий супруг не только не стал бы пользоваться чужим сосудом, как это делают те, кто домогается чужих жен, но и знал бы, что даже и себе принадлежащим не следует обладать, пребывая во власти недуга телесного возжелания.

Это следует понимать не так, будто Апостол запрещал супружескую, то есть дозволенную и достойную уважения любовную связь, но так, что он требовал, дабы это было сожительством, которое никоим образом не имело бы характера болезненной страсти. Однако это было бы возможно, если бы из-за первородного греха не потеряла силу свобода воли; и теперь сожительство с необходимостью имеет характер болезни, присущей не любви, но необходимости; в то же время без данной необходимости в имеющих родиться сыновьях не может быть достигнута и сама любовь.